

Глава 1.10. Огорчения Пенуила

К концу 1950-х годов еврейское население села Аглоби катастрофически снизилось до нескольких семей. Уезжающих соседей сменяли этнические азербайджанцы. Значительные земли в восточной части села в 1953 году государством были переданы переселенцам из *Цилинга*¹ — лезгинам по национальности. Сельчане, покидавшие Аглоби, переезжали преимущественно в город Дербент. Они постепенно обустраивались, находя себе работу не только в прилегающих к городу совхозах и колхозах, но и на промышленных предприятиях, бум роста и развития которых пришелся на эти годы. Горские евреи составляли почти четверть населения Дербента, образуя одну из трех приблизительно равных по числу диаспор. Двумя другими были азербайджанская и русская. Спектр занятости был разнообразен — от крестьян до получивших хорошее образование специалистов, занимающихся становлением и развитием советских заводов, комбинатов и фабрик.

В 1963 году мой прадед Пенуил с супругой Мошолум переехали. Что же сподвигло мужчину, перешедшему восьмидесятилетний рубеж, покинуть свое село, свое хозяйство и землю и направиться в город? Вряд ли этому способствовали рассказы бывших односельчан о лучшей жизни в городе, льготах, предоставляемых городскими

¹ Цилинг – в прошлом центр Цилингского сельсовета Курахского района Дагестана. В 1953 году в плановом порядке жители села были переселены в село Аглоби Дербентского района. Окончательно заброшено после землетрясения в 1966 году.

властями пенсионерам и семьям погибших на войне кормильцев. Что же, на мой взгляд, могло послужить причиной переезда моего прадеда?

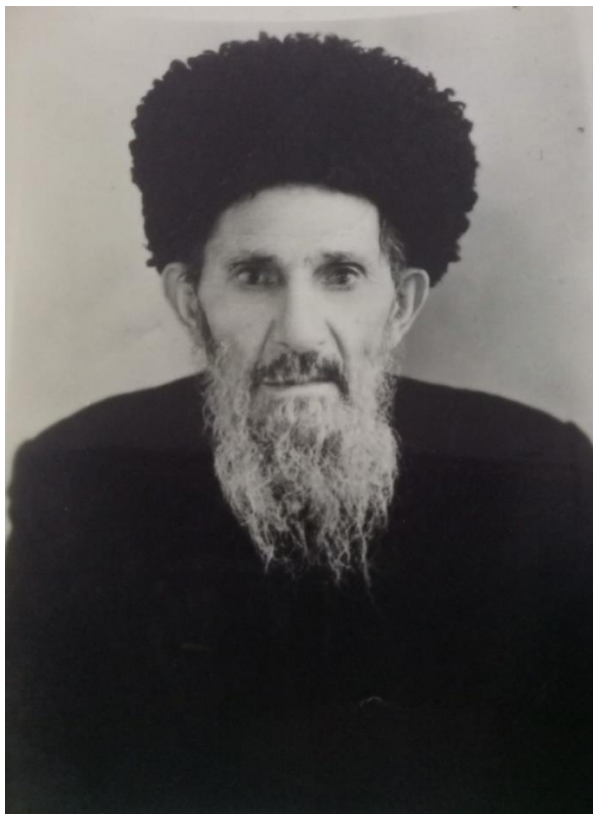

Фото 28. *Рахмилов Пенуил Рахмилович 1950-е годы*

Во-первых, неудачный брак дочери Лиё. Вскоре после войны девушка вышла замуж. Вследствие отсутствия у молодой супружеской пары потомства в течение пяти лет уверовавшая в бездетность невестки сторона жениха брак расторгла. Дальнейшие события покажут, что причиной тому была не Лиё. Ставшая свободной женщина позволила себе

близкое знакомство с *подвозчиком*¹, занимавшимся доставкой селян к месту проведения работ. Увлечшись его обходительностью и заботой, она вскоре неожиданно узнала, что беременна. Это было ударом для семьи, к тому же мужчина был женат. В 1954 году Лиё родила девочку, которую назвала Настей. Женщина посвятила дочери всю жизнь и замуж больше не выходила. В 1961 году Лиё устроилась на работу в городе и, оставив родителей, вместе с семилетней Настей покинула село Аглоби.

Во-вторых, постоянный исход евреев из селения, в результате чего сократился круг общения и практически исчезли чувства безопасности и защищенности при изменившемся составе односельчан. Несмотря на некоторую сохраняющуюся дружбу между людьми разных национальностей и религий, такой близости, как с единоверцами, в случае с новыми односельчанами не возникло. Напротив, наблюдалось предвзятое отношение, грязные пересуды, притеснения и воровство продуктов сельскохозяйственного труда из личных хозяйств, постепенный захват земли, нарушение равноправия при водопользовании для полива, распределении льготных поставок дров и угля для пенсионеров, сыновья которых погибли на войне, невозможность открытого отстаивания своей правоты при случающихся противоречиях. Вдобавок, как уже было сказано, бывшие односельчане, приезжающие из Дербента погостить, не уставали склонять Пенуила к переезду своими рассказами о благополучной городской жизни. Но и этого всего всё еще было недостаточно для того, чтобы он покинул Аглоби.

¹ Подвозчик – возчик на подводе с лошадиной тягой.

Последней каплей для упертого хозяйственника, каким был Пенуил, стал скандал, связанный с воровством двух новорожденных ягнят-самочек из небольшой кошары во дворе его дома, единственная внешняя стена которой была построена из рубленого камня-ракушечника.

Дело в том, что в послевоенный период Пенуил увлекся улучшением породы своего небольшого овечьего поголовья. Он отбраковывал ягнят, рожденных единолично, и оставлял только двойняшек, преимущественно самочек. В целях скорой селекции Пенуил выводывал, у кого из односельчан есть ягнята, рожденные парами, и обменивал их, жертвуя овцами или ягнятами большего возраста, а, стало быть, и веса. За желанным потомством он мог ездить по всему району, уговаривая хозяев об обмене или продаже. Знали об этом его увлечении многие овцеводы и иногда, не веря в успешность затеи, сами предлагали таких ягнят Пенуилу. Странный пожилой селекционер иногда платил наличными, чтобы получить вожаделенную скотину. Убедившись через несколько лет, что овцы Пенуила дают исключительно двойную рождаемость, некоторые крестьяне потеряли сон, перенимая этот опыт. Иные нашли более краткосрочную альтернативу селекции — обыкновенное воровство.

Как раз о рождении новой пары таких ягнят селяне узнали от моей бабушки дедей Истир. Ничего такого не подозревающая женщина-вдова, радующаяся смекалистости своего свекра, рассказала об этом другим женщинам у родника. В следующую ночь во внешней стене прадедушкиной кошары был проделан лаз.

В образовавшуюся щель мог пролезть только небольшой парнишка. Таких тощих ребят тогда было немало. Проникнув в кошару и передав новорожденных ягнят через лаз

подельникам, воришка застрял, когда выбирался наружу. Помощь товарищей приводила к нестерпимой боли. Проснувшиеся под утро люди стали любопытствовать, что это происходит возле стен двора Пенуила. В конце концов парнишку вытянули. Однако по поверхности лаза тянулись кровавые следы от изодранных ран на его теле. Собаки в то время на дворе Пенуила не было, иначе воры были бы обнаружены раньше. Проснувшаяся по утрам Мошолум увидела скопившихся возле их двора людей и разбудила мужа.

Услышав о случившемся и сразу же заметив пропажу, восьмидесятилетний человек был крайне взволнован и рвался призвать воров к ответу. Однако Мошолум ненадолго удержала мужа, что, возможно, и вразумило его. Пойти к дому вора и объявить его таковым, означало неминуемую смерть кого-либо из мужчин, вероятнее всего, самого Пенуила. Несколько остыв, держась за уже привычную за многие года ореховую трость, он всё же решился на это.

Двор с обычно открытыми воротами находился на утесе, откуда открывался вид на аглобинский водопад. Если подойти к самому краю скалы, можно увидеть груды мусора, годами сбрасываемого вниз местными домовладельцами, в том числе и хозяином вышеназванного дома.

На этот раз ворота были закрыты. Подойдя к ним, Пенуил позвал:

— Аликурбан?! А, Аликурбан?!

— Сейчас, — услышал он из-за забора голос пятидесятилетнего механизатора фермы, хозяина дома.

Ворота открылись. Аликурбан был в крайнем возбуждении и, несмотря на относительно спокойные взаимоотношения между ними до сего дня, сквозь зубы, не глядя в глаза старику, произнес:

— Что тебе надо?

— Хотел поговорить с тобой, — стараясь быть спокойнее, ответил Понуил.

Мошолум пошла вслед за мужем и в нескольких метрах позади наблюдала за происходящим.

— Не о чем нам с тобой разговаривать! — взревел мужчина и скрылся за воротами.

Постояв несколько секунд, Понуил протянул руку, чтобы постучать в ворота. Однако они резко открылись.

Вышедший хозяин вынес двух ягнят, держа их за задние конечности и направился к краю утеса. Не успел Понуил что-либо предпринять, как Аликурбан, взмахивая руками, стал сбрасывать ягнят. Вернувшись, он снова зашел за ворота своего дома и с грохотом закрыл их.

Понуил скрепя сердце подошел к утесу и посмотрел вниз. Одного ягненка можно было увидеть с красным пятнышком у головы — очевидно, что он разбился. Второй застрял на краю утеса в куче мусора и практически не показывал признаков жизни. Собравшиеся ребяташки с ужасом смотрели на то, что сделал взрослый человек с животными. Один из пацанов, чуть спустившись по краю обрыва, вытащил ягненка и положил его у ног старика. Ягненок был жив, только одна из задних конечностей выглядела неестественно вывернутой.

— Понуил, пойдем домой! — произнесла Мошолум, подойдя к мужу поближе. — Понимаю, как тебе больно, но это всего лишь животные.

Дети приподняли еле живого ягненка и протянули его, положив на руки Понуила, и супруги пошли домой.

Ягненок был спасен. Сельские власти не стали замалчивать историю и в наказание обязали главу оскандалившегося семейства выплатить компенсацию

пострадавшему — 50 рублей. Деньги были получены, но взаимоотношения с родственниками Аликурбана, составлявшими немалую часть населения села, испортились.

Остались далеко в памяти кунацкие посиделки до самого утра, когда Пенуил в кругу односельчан, к их удовольствию, пел свои песни, рассказывал придуманные им притчи и сказки.

Еще одна история, произошедшая за несколько лет до случая с ягнятами, несколько отвратила Пенуила от веры в справедливость советского государственного устройства.

Одно из совхозных полей ежегодно засеивали рисом. Так как посев семян и сбор урожая происходил машинным способом, его углы обычно никогда не засеивали. Однако предприимчивые Пенуил и охранник уголья использовали эти небольшие участки, в сумме равные приблизительно 25 соткам, в своих целях.

Посевной материал оставался в излишке. После машинного сбора урожая, предприимчивые селяне собирали неубранную часть вручную и использовали ее на свои нужды. Однако на третий год комбайн умудрился собрать урожай полностью. На жалобы Пенуила бригадиру, что его рис сняли вместе с совхозным, тот ему резонно заметил: «Поскольку поле не твое и рис не твой, значит и урожай не твой, а государственный».

Эту несправедливость Пенуил с трудом, но пережил. Однако после случая с воровством ягнят предприимчивого пожилого человека покинул сон. Обида разрывала его сердце. Не было человека, который мог бы за него заступиться.

Еще одной не последней по значимости причиной, поспособствовавшей отъезду прадедушки из Аглоби, стали его ревность к стремлению невестки Истир быть

самостоятельной и неразделенная любовь к единственному оставшемуся в живых внуку.

Все эти безотчетные обиды и подозрения уже глубоко пожилого человека привели к тому, что, покидая село, Пенуил продал половину своего дома посторонним, семье Хаджихмеда, за 300 рублей, несмотря на уговоры невестки оставить дом ей с сыном с выплатой необходимой суммы в течение последующего года. Однако свекор и любящий дед не поддался на это. Дедей Истир с сыном остались две комнаты. Еще две комнаты женщина со временем построила сама.

По рассказам моего отца Исая, Пенуил держал у себя в доме часть утвари закрывшейся сельской синагоги. Тогда, в 1947 году, прихожане разобрали оставшуюся утварь и книги по домам с надеждой, что придут времена, когда всё это может вновь пригодиться. Холщовый мешок, в основном с религиозными книгами, он прятал в глубине амбара. Покидая село, даже эту малость Пенуил решил не оставлять невестке. Он закопал мешок на кладбище возле могилы своего старшего сына Рахмила. О тайнике мой отец узнал, подслушав разговор своего деда с кем-то из взрослых. Это место находилось в десяти шагах от верхнего края погребения первенца Пенуила в сторону реки.

Ну и что делать с этой информацией? — Не станешь же рыть землю на брошенном еврейском кладбище. Да и какое сокровище там могло сохраниться?

За полгода до переезда Пенуил по совету бывших односельчан обратился в Дербентский городской совет с соответствующим ходатайством. Учтено было и его участие в Первой мировой войне. Как пенсионеры и семья погибшего воина Пенуил с супругой получили в городе Дербенте жилье на улице Коммунаров — большую глухую комнату без окон с

коридорчиком и выходом в общий двор с десятком других проживающих здесь еврейских семей.

Переехав в город, пожилые прабабушка и прадедушка оставшуюся часть жизни жили скромно. Деньги от продажи части дома в Аглоби закончились быстро. Дочь Лиё работала — с раннего утра подметала улицы и убирала мусор с тротуаров и в близлежащем парке, обустроенном на месте ранее расположенного здесь и расселенного Советской властью еврейского квартала. Лиё разделила глухую комнату, полученную отцом от городской администрации, на две части десятиметровой перегородкой из ткани, что позволило ей с дочкой жить относительно обособленно от пожилых людей.

Пытаясь выживать на пенсию, старики ели мало. По рассказу отца, с утра дедушка Понуил шел на рынок и покупал два-три огурца и несколько помидоров. Придя домой, он нарезал салат, которого им с прабабушкой хватало на целый день.

Есть в нашей семье легенда о том, что, после того как Понуилу исполнилось 90 лет, у него во рту снова появились молочные зубы. Все, кто это увидел, были убеждены в своей правоте и пытались объяснить это научно. Однако ни один врач-стоматолог не подтвердил мне, что такое возможно.

Прожили супруги, о чем утверждают многие очевидцы, до глубокой старости в большой любви. Мошолум Господь отмерил 81 год. После ее смерти 11 апреля 1971 года Понуил не захотел жить дальше. Помянув жену, он искупался, одел белые одежды и слег.

Фото 29. Могильные стелы супругов
Пенуила и Мошолум Рахмиловых
на Дербентском иудейском кладбище. 2018 год

По утверждению моего отца, пожилой мужчина убил себя, предположительно обмотав голову шарфом, чтобы не иметь возможности свободно дышать. О желании наложить на себя руки Пенуил проговорился внуку за день до своей смерти.

Умер мой прадед 14 апреля 1971 года, через три дня после супруги, прожив 91 год¹.

¹ На Схеме 1 последнего раздела повести «Элементы (ветви) генеалогического древа автора» представлена основная «карчагская» линия его предков.